

ВАРИАНТНОСТЬ ОКОНЧАНИЙ ЗАИМСТВОВАННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ДОПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

DOROTA GŁUSZAK

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

VARIATIONS IN NOMINAL SUFFIXES OF LOANWORDS PRESENT IN PRE-PETER RUSSIA JOURNALISM. The article examines the process of adapting loanwords into the Russian language. The source material was extracted from the first handwritten editions of Russian opinion journalism written from 1656 to 1670. The author describes the process of absorbing loanwords on the morphological level and demonstrates the existence of inflectional variants of loaned nouns.

Keywords: Linguistics, history of language, loanwords, opinion journalism of the 17th century.

Русский язык, как и все другие естественные языки, обладает динамическим характером, значит, постоянно развивается. Состав лексики меняется – некоторые слова, будучи устаревшими, выходят из употребления, другие, наоборот, входят в язык, пополняя его лексический состав. Над данным процессом все время ведется наблюдение исследователями-лингвистами [Филин 1981: 239].

Анализ лексики каждого естественного языка на любом этапе развития, то есть в любую историческую эпоху, показывает его разнообразие, его сложный состав, в том числе позволяет обнаружить и иностранную лексику, попавшую в новую языковую среду.

В настоящей статье мы сосредоточим наше внимание именно на данном явлении, то есть попытаемся проанализировать лексику, которая является новой на определенном этапе развития русского языка. Время, привлекающее наше внимание – это середина XVII века, так называемая допетровская эпоха.

Известно, что с начала XVIII века проводится ряд реформ, благодаря которым отмечается постоянный процесс европеизации России. Проходят изменения

на разных уровнях, в том числе языковом (реформа азбуки и правописания, значительное увеличение количества печатных книг, появление многих заимствований из западноевропейских языков) [Bartoszewicz 1979: 128–129]. И именно поэтому эпоха правления Петра I постоянно привлекает внимание лингвистов.

В связи с вышесказанным, необходимо заметить, что лексике времени, предшествующего петровским реформам, уделяется значительно меньше внимания, имеются некоторые *пустые* места в описании словарного состава середины XVII века. По этому поводу у нас возник интерес подробно исследовать язык публицистики данной эпохи с целью найти новое освещение некоторых вопросов, касающихся заимствованной лексики. В настоящей статье мы сосредоточимся на анализе вариантов флексий заимствованных имен существительных, что и позволит нам проследить сложный процесс адаптации на морфологическом уровне языка.

Тексты, известные в науке как *вести*, *куранты*, *вестовые письма*, являются, можно сказать, первыми попытками публицистического жанра в России. Самые ранние Куранты составлены в 1600 году. Вестовые письма в виде газет стали печататься при Петре I [Котков 1972: 4].

Языковой материал, являющийся предметом анализа, извлечен из последнего тома опубликованных Вестей-Курантов¹, то есть 1656–1670 гг. Данное издание, как и пять предыдущих, является составлением грамот, статей международных договоров, деловых документов, писем путешественников и других письменных текстов, переведенных на русский язык (только некоторые из них составлены сразу на русском), затем переписанных дьяками в Посольском приказе и подготовленных для чтения царю и его окружению. Авторы всех выпусков Вестей-Курантов провели масштабную работу при собрании, разработке и подготовке текстов к печатным изданиям. Благодаря их труду, возможен доступ к рукописным материалам XVII века, которые бережно хранятся в российских архивах.

В ходе диахронного анализа заимствований на первый план выдвигается постепенное освоение слова, которое из одной языковой системы попадает в другую. Данная адаптация проходит на уровне фонетики, морфологии, семантики, охватывает акцентуацию и орфографию. Некоторые исследователи делят лексику, которая не является исконно русской, на иностранные и заимствованные слова².

1 *Вести-Куранты 1656, 1660–1662, 1664–1670 гг.*, изд. подгот. Демьянов В.Г.; ред. Молдован А.М., Майер И., Москва 2009.

2 Русские термины *иностранное слово*, *заимствованное слово*; *заимствования* по *Лингвистическому энциклопедическому словарю* [Ярцева 1990], определяются следующим образом: *Заимствования приспособляются к системе заимствующего языка и зачастую настолько им*

Л.П. Крысин различает понятия *иноязычное слово* и *заимствованное слово* [Крысин 1968], где *заимствованное слово* – это слово, которое вошло в систему языка-реципиента, в свою очередь, *иноязычное слово* – это слово, которое не вполне ассимилировалось в новой языковой системе.

Процесс адаптации следующим образом характеризуется Д.Э. Розенталем и сотрудниками: *Иноязычные слова, попадая в наш язык, постепенно ассимилируются им: приспособляются к звуковой системе русского языка, подчиняются правилам русского словообразования и словоизменения, в той или иной степени утрачивая, таким образом, черты своего нерусского происхождения* [Розенталь и др.].

Из данного следует, что *чужие слова*, входя в язык-реципиент, постепенно усваиваются им, затем теряют (в большей или меньшей степени) свой иноязычный характер, или наоборот, полностью сохраняют свой иностранный облик.

Некоторые из заимствованных слов не подчиняются грамматическому освоению – это неизменяемые слова в русском языке. На степень адаптации слова влияют разные факторы как языкового, так и внеязыкового характера. Например, родовая характеристика слова может представлять собой результат влияния языка-посредника или внеязыкового фактора, каким является время попадания данной лексемы в язык. Существенно и то, при какой степени знания носителями родного языка языка-источника появляется лексическая единица, именно ему принадлежащая. Лингвисты обращают внимание на факт, что ошибочные реализации данного слова в новом языковом окружении связаны со слабым обычно знанием иностранного языка³.

Заимствованные русским языком существительные соотносятся с грамматическим родом на основании окончания именительного падежа единственного числа или же характером десигнатов, например, у несклоняемых принадлежность к определенному полу: *леди, миледи, мисс* квалифицируются как существительные женского рода, *месье* зачисляется к мужскому роду.

По мнению Х. Лееминга, следует назвать две главные стадии адаптации слов в русском языке. Во-первых, иностранные фонемы заменяются фонемами родной

усваиваются, что иноязычное происхождение таких слов не ощущается носителями этого языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа (...). В отличие от полностью усвоенных заимствований, так называемые иностранные слова сохраняют следы своего иноязычного происхождения в виде звуковых, орфографических, грамматических и семантических особенностей, которые чужды исконным словам, <<http://www.tapemark.narod.ru/les/158a.html>> (доступ: 30.04.2015).

3 Данное касается также освоения на фонетическом уровне, как пишет К. Луциński: *Ze względu na słabą znajomość języka angielskiego w społeczeństwie polskim i rosyjskim wczesne „pożycзки” angielskie zwykle transliterowano i odczytywano na swój sposób* [Luciński 2000: 119].

речи. Во-вторых, заимствованное слово подчиняется ассимиляции на морфологическом уровне (лексема получает окончание или другие морфемы, характерные для языка-реципиента). Следующим этапом будет уже способность заимствования образовать дериваты [Leeming 1976: 6].

Освоение заимствований на морфологическом уровне заключается в подчинении их правилам русского языка, то есть в приспособлении иноязычных слов к русской грамматической системе. Данное явление наблюдается в случае адаптации заимствованными существительными падежных окончаний, числа⁴, рода (имеем в виду слова, которые в своем языке-источнике не обладают такими грамматическими категориями).

Заимствованные слова, как правило, приспосабливаются к образцам склонения. *Adaptacja wyrazu obcego*, – пишет К. Луцински, – *najszybciej dokonuje się na płaszczyźnie fleksji* [Luciński 2000: 74]. Это означает, что лексемы, которые не вполне ассимилировались на фонетическом уровне (у них нет определенного произношения, часто они сохраняют иноязычное звучание), могут регулярно склоняться согласно правилам русского языка.

О живом процессе адаптации на морфологическом уровне свидетельствуют колебания по роду существительных⁵. Вариативность родовой принадлежности заимствованных существительных может быть вызвана как родом слова в языке-источнике, так и родом, к которому относятся в языке-посреднике. Еще в иных случаях на оформление родовой принадлежности могут оказать влияние слова-синонимы данного заимствования. Проследим данный процесс, демонстрируя формы избранных слов.

Не все засвидетельствованные в Вестях падежные формы заимствованного из итальянского слова *граната*⁶, позволяют однозначно определить род (ни тип склонения): *гранаты кидаютъ* с. 41, л. 91, *пускали гранаты* с. 101, л. 93, *гранатами стреляют* с. 299, л. 173, *гранатомъ руку пробили* с. 381, л. 50, так как окончания множественного числа совпадают в неженском и несреднем склонениях. Только форма творительного падежа единственного числа указывает на принадлежность

4 В процессе адаптации может меняться число заимствованного слова, о так называемой деплюрализации писали, например, М. Altbauer (1955), А. Zaręba (1983).

5 Данные изменения являются актуальными и в современном русском языке; подробно о колебаниях по роду заимствованных существительных: <http://rusgram.ru/%D0%A0%D0%BE%D0%B4> (доступ: 29.04.2015).

6 Крысин (1998): ит. *granata* < лат. *grānātus* зернистый.

к мужскому роду. Возможно, родовая характеристика устанавливается под влиянием польского языка как языка посредника.

С.И. Котков подчеркивает, что исследование языка с использованием письменных источников, является весьма трудной задачей, так как разговорный язык никогда не найдет на письме полного отражения [Котков 1963: 3]. Как известно, письменная форма языка имеет определенное количество средств (графем), в то время как в устной форме таких ограничений не существует.

Х. Лееминг обращает внимание на факт, что самое значительное по объему количество заимствований латинского и романского происхождения, которые появились в русском языке до конца XVII века, попали в этот язык посредством польского, о чем свидетельствует их фонетический состав и морфологические категории, приспособленные уже к системе польского языка [Leeming 1976: 8].

Наш анализ, результаты которого демонстрируются в настоящей статье, охватывает 25 заимствованных единиц, относящихся, главным образом, к мужскому роду. Наше внимание сосредоточилось на следующих лексических единицах.

Заимствованное из польского языка слово *сейм* (*сойм*)⁷, в женском роде – *сейма* (*сойма*)⁸ представляет собой два типа вариантов: первый – результат колебаний в роде; второй – доказательство конкуренции окончаний, характеризующих разные склонения существительных мужского рода. В родительном падеже единственного числа для мужского рода наряду с флексией *-а* наблюдаем и вариант *-у* (окончание существительных с древней основой на **й*). Например: *сеима* (20 употреблений) (в контекстах: *отложили до сеима, скончание сеима объявит*); *сьима* (3)⁹, и одна фонетическая разновидность: *соима*, но и: *сьиму* (1), *сеиму* (17) (например: *сь сеиму розьдутьца, после того сеиму, ожидает совершениѧ сеиму*; плюс фонетический вариант: *до соиму*). В одном написании выступает окончание род.пад. ед.ч. *-ы*, характеризующее женский род, но определяется формой мужского рода: *да будущего сеимы отложено*.

В предложном падеже варианты наблюдаем лишь в формах мужского рода: *-е* чередуется с *-у*, примеры: *на/о/при сеиме* (45) (например: *на том сеиме болшой спор*), *на/о/в сеимѣ* (9), и в контекстах: *на великом сеимѣ, на другом сѣимѣ*, а также: *ис Полши о сеиму вѣсти, быти на сеиму, на будущем сеиму, в сеиму*.

7 Фасмер (1964–1973): заимств. из польск. *sejm*.

8 Женский род засвидетельствован в *Курантах*, этимологические словари не указывают на возможные колебания по роду.

9 Здесь и дальше по тексту: цифра в скобках обозначает количество употреблений данной падежной формы.

Формы женского рода выступают всегда с флексией *-e*: *при будущей соиме, на генералной сеиме учинено*.

В других косвенных падежах варианты отсутствуют, но окончания зависят от рода: женского, например: *съезжающа (...)* на соиму (вин. падеж ед. числа); *о поминанъе свѣискоу сеиме ж се время въдома нѣтъ* (предл. падеж ед. числа), или мужского: *к сеиму* (20), в контекстах: *к будущему сеиму, к великому сеиму всякое способленъе чинят, сеиму не быт, в Варшаве сеиму было бытъ*, один раз: *к соиму* (дат. падеж ед. числа); *надѣютца симъ сеимомъ, перед сеимом* (твор. падеж ед. числа).

Для лексемы *сенат*¹⁰ также характерны колебания в роде. На основании примеров, извлеченных из текстов 1656–1670, видно, что в одних случаях слово принадлежит к мужскому роду и по такому склонению изменяется, в других же употреблениях ведет себя как существительное женского рода. Вот примеры: *сенатъ, высокоу сенатъ* и *веницѣйская сената, сената коруннаѧ*; в косвенных падежах мужское склонение: *сената готовѧт к веснѣ, от сенату, ко всему сенату писание есть, со всѣмъ сенатомъ*, и женское: *посланникъ у сенаты у отвѣта был, был (...)* у всеи сенаты, *пред сенатою*.

В заимствованной из польского языка лексеме *замок*¹¹ выявлена вариантность окончаний родительного падежа единственного числа. Варианты касаются флексий: *-а* или *-у*, примеры: *до самка, из замка, из замку* (2). Похожее явление наблюдается и в предложном падеже, где чередуются окончания *-е* и *-у*, а именно в текстах три раза встречается: *в замке* (2), *в сим самке* и три раза: *в замку, в цесарскомъ замку, в томъ замку*. Колебания указывают на конкуренцию окончаний существительных с древними основами на *о и *ѣ.

В именительном падеже множественного числа слова *дворянин* обнаружено пять реализаций данной лексемы: *дворѧне* (2), *дворяне* (1), *дворѧны* (3), *дворѧнѧ* (2), *дворѧня* (2)¹². По-видимому, появляются три варианта флексий в этом падеже, то есть *-е* – окончание древнего смешанного склонения (три раза), *-ы* (три раза) или *-а* после мягкого согласного (четыре употребления) (окончания твердого и мягкого варианта мужского склонения).

10 Фасмер (1964–1973): вероятно, через нем. Senat из лат. senātus ‘совет старейшин’.

11 Там же: заимств. из польск. zamiek, которое через чеш. zámek калькирует ср.-в.-н. slōz ‘замок, запор’, затем ‘перемычка долины, оврага и под.’. Последнее в свою очередь является калькой лат. clūsa ‘запор, форт, укрепление’.

12 Там же: встречается со 2-й половины XVII в. в знач. ‘челядин князя’, ср. польск. dworzanin. Оба калькируют ср.-в.-н. hōvesch, нов.-в.-н. hōfisch, последнее из франц. bourgeois.

В родительном падеже множественного числа существительных, называющих лиц, выступают: окончание *-ов*, или нулевое окончание. Здесь также выявляется конкуренция между флексиями древних склонений: *рота гусаровъ*, *рота гусаръ* (2)¹³; *РН члвкъ драгун*, *У ч драгунъ* и: *С ч драгунов*, *#А ч драгунов*, *рота драгунов*, *Д роты драгунов побили*¹⁴; также: *салдат* (4), *салдатъ* (6) (например: *О рот посланных салдатъ*, *салдатъ не наимывают*) и: *салдатовъ*, *салдатов* (2) (например: *# Г ч салдатов*), один раз: *у салдатов нших (...)* великое возбуждение¹⁵.

В заимствованной через немецкий из латинского лексеме *потентат*¹⁶ преобладают формы с окончанием *-ов*, лишь в одном примере наблюдаем нулевую флексию: *потентатов* (9) (например: *приъзжают от постороннихъ потентатов послы*, *от сарубежныхъ нъкоторыхъ потентатов готовое собранное воиско*, *великихъ потентатов*¹⁷ *намърение*), *потентатовъ* (8) (например: *сила различныхъ хрстианскихъ потентатовъ*, *потентатовъ к воинъ склонность есть*), и: *нъкоторыхъ потентан* (1). Лишь последняя форма отличается окончанием, которое, как кажется, является ошибкой.

Окончание *-ов* чередуется с нулевым также в форме слова *рейтар*¹⁸ (фонетический вариант – *райтар*). Итак, род.п. мн.ч. *рейтар* (12), (например: *рота волныхъ рейтар цесарскихъ*, *рота немецкихъ рейтар*, *#Д ч рейтар*), *рейтаръ* (3), *раитар* (3) (например: *раитар # А члвкъ*, *имъеть роту раитар*), а также: *рейтаров* (2).

В названии денежной единицы *эфимок*¹⁹ обнаружены аналогичные варианты: один вариант с нулевым окончанием в род.п. мн.ч.: *во всякомъ мешку по Ф эфимокъ*, второй – с окончанием *-ов*: *эфимков* (26) (например: *корму по Н эфимков дают*), *эфимковъ* (12) (например: *подарили запану въ #АФ эфимковъ*), *ѡэфимков* (6), *ѡэфимков* (1), *ѡэфимковъ* (1).

Похожее явление наблюдается на примере слова *куранты*²⁰ (4 употребления в им.п.). Выявлено три варианта окончаний род.п. мн.ч. – это флексии: *-ов*, нулевая,

13 Там же: укр. гусар, польск., чеш. husar. Через польск. заимств. из венг. huszár от húsz ‘двадцать’, потому что по венг. законам из двадцати новобранцев один должен был стать кавалеристом.

14 Фасмер (1964–1973): через польск. dragon или стар. нем. Dragon (XVII в.) из франц. dragon от лат. draco.

15 Крысин (1998): нем. Soldat < ит. soldato < soldare нанимать; платить жалованье.

16 Фасмер (1964–1973): через нем. Potentat из лат. potentātus ‘верховная власть’ от potens ‘могущественный’.

17 В оригинале е написано по ы.

18 Фасмер (1964–1973): через польск. rajtar из нем. Reiter ‘всадник’.

19 Там же: через польск. joachimik от лат. Joachimicus из Joachimsthal – местн. н. в Чехии, чеш. Jáchymov, где начиная с 1518 г. чеканился талер.

20 Крысин (1998): куранты < фр. courant текущий, бегущий.

а также один случай, в котором форма родительного падежа совпадает (ошибочно?) с именительным падежом. Приведем примеры: *курантов* (78), *курантов* (2), *курантовъ* (71), и в контекстах: *Перевод с полских курантов*, *Перевод с галанских печатныхъ курантовъ*, *Перевод с немецких печатных и писменных курантовъ*, рядом с *курантъ* (15), например: *Перевод з галанских курантъ*, и в одном случае: *Перевод с куранты*.

Вместо окончания *-ам* в дательном падеже множественного числа существительных мужского рода нередко наблюдается старая флексия *-ом*, например: *гсдам гетманомъ*²¹; *послалъ х комендантомъ*²²; *комисаромъ*²³ (5) (например: *полскимъ комисаром на письмъ подалъ*); *конфедоратомъ*²⁴ *еще не во всемъ довьриваютъ, х конфедатомъ посылал, х конфедератом, идетъ на всходъ къ конфедератомъ*; *всьм пасторамъ*²⁵ (...) известно учинит и: *указ всьм пастором*. Слово *потентат* ни один раз не употребляется с флексией *-ам*, пять раз отмечаем окончание *-ом*, в примерах: *ко многимъ рознымъ хрстьянскимъ потентатомъ нарочныхъ гонцов своих послал, къ различнымъ потентатом посланных своих послал, писати с великим прошением и ко инымъ хрстьянскимъ потентатомъ, к хрстьянскимъ потентатом розослатъ посланных, послов ко всьмъ хрстьянскимъ потентатом посылать*. То же самое явление обнаруживаем у существительного *солдат*: *салдатом* (4), *салдатомъ* (3), в текстах: *салдатомъ заплата учинить, денги салдатомъ напрасно роздавалъ, салдатом платеж промышлят*.

Интересными оказываются засвидетельствованные формы творительного падежа множественного числа мужского рода. Наряду с новой, появившейся под влиянием несреднего склонения, флексией *-ами* встречается окончание *-оми* (возможно, это графический вариант флексии *-ами*) и старое окончание **о* основ *-ы*. Например: *с конфедоратами соединилис*, *Любомирскии хочет с конфедаратами соединитца, они держали с конфедератоміи, с конфидераты, с конфедораты, у гсдна Любомирского с своими конфедораты сесия была, у королевскихъ воискъ с конфедераты великои бои был; генералами*²⁶, *процатся с генералами, свъискими генералы подписаны, с своими*

21 Фасмер (1964–1973): ‘высший чин у казаков’, укр. гетьман. Заимств. через польск. *hetman* (с 1410 г.), чеш. *hejtman* ‘капитан’ из вост.-ср.-нем. *häuptmann* ‘капитан’.

22 Крысин (1998): нем. *Kommandant* < фр. *commandant* < лат. *commendāre* ‘поручать’; Фасмер (1964–1973): судя по ударению, едва ли через польск. *komendant*, скорее через стар. нов.-в.-н. *Kommendant*.

23 Фасмер (1964–1973): через нем. *Kommissar* из лат. *commissarius* ‘уполномоченный’.

24 Ушаков (1935–1940): польск. *konfederat* от лат. *confoederatus* – объединенный в союз.

25 Фасмер (1964–1973): *пастор* (реже *пастор*). Из нем. *Pastor* от лат. *pastor*.

26 Там же: *генерал*, диал. *енерал*. Ввиду конечного ударения заимств. из нем. *General*, а не через польск. *generał*. Нов.-в.-н. слово заимств. из франц. *général*.

генералы помыслят; меж кардиналами²⁷, со вѣми своими кардиналы совѣтовали; комисарами (2), с литовскими комисары, королевское величество с комисары разошлись; с курфирстрами²⁸, Ссоры меж объма курфирстами, с неметцкими курфирстры; усовѣтованѡ с принадлежащими потентаты учинит крѣпкие союзы, союзы со иными потентаты, союзы (...) со иными потентаты не чинить.

Вариантность окончаний слова *сенатор* / *сенаторь*²⁹ связана с тем, что оно принимает окончания твердого или мягкого варианта склонения, например: *сенаторь*, *сенатарь*; род.п. ед.ч. с окончанием *-а*: *сенатора* (2); тв.п. ед.ч. с флексией *-ем*: *сдѣс будучимъ сенаторем*, *со всѣкимъ сенаторем много воинских людеи пошло*, *с сенаторемъ*, *подал сенаторем*. В именительном падеже множественного числа выступают четыре флексии, то есть: *-и* (старая форма **о* основ); *-ы* (новое окончание неженского склонения); *-е* (окончание смешанного склонения); *-ове* (окончание **й* основ). Приведем примеры: *сенатори* (39), *санатори* (3), *сенаторі* (2), *санатыри* (1), *санаторі* (1), *сенатары* (1), *сенаторы* (10), *санатары* (1), *санаторы* (1), *санатаре* (1), *сенаторове* (1). Соответственно, в родительном и винительном падежах отмечено: *сенаторов* (3), *сенаторовъ* (1), *сенаторевъ* (3), *сенаторев* (1), *сенатореи* (16), *санатореи* (3), то есть окончания *-ов*: *-ев*: *-ей* (окончание древних основ на краткое *i*) дат.п. мн.ч.: *сенатором*, *рѣчь говорил вѣм сенатором*, *будет збор санатером*, *санатаромъ*, *гсдамъ сенаторомъ*, *собрание сенаторем было*, *гсдам сенаторемъ*, *сенаторемъ объявили*, *к сенаторем*, *в томъ отвѣте вѣмъ санатаремъ*, *санатырѣмъ*, и тв.п. мн.ч.: *сенаторами*, *разговор меж сенаторами*, *с сенаторами*, *с великими сенаторы*, *с сенаторы* (3), *с санатары*, *с санатыры** (*конечное *ы* написано по *и*), *с начальными сенатары*, *с сенаторі*, *с сенатори* (2), *с гсдами сенатореми*.

Все приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что в XVII веке отмечаем, с одной стороны, конкуренцию окончаний древних и новых склонений, с другой – влияние друг на друга твердого и мягкого вариантов.

Явление вариантности свойственно далеко не всем заимствованным существительным. Вот примеры: *адмирал*³⁰ (32 употребления), (или написание с *ъ* в конце – 4), в косвенных падежах: род., вин.п. *адмирала* (19), дат.п. *адмиралу* (3), тв.п. *адмиралом*

27 Там же: через нем. *Kardinal* или прямо из франц. *cardinal* от лат. *cardinalis* ‘главный, основной’ к *cardō* ‘дверная петля’.

28 Там же: курфюрст, курфирст, стар. курфирстр, из нем. *Kurfürst*.

29 Фасмер (1964–1973): *сенатор* и *сенаторь*, народн. *сенатор*, также *санатор*, *санатой*; *сенатор*, *санатыр*. Через польск. *senator* или нем. *Senator* из лат. *senātor*.

30 Там же: вероятно, через голл. *admiraal* или нем. *Admiral* из ст.-франц. *a(d)miral*, которое восходит к араб. *emīr al baḥr* ‘князь моря’.

(5), один раз – *адмираломъ*, множественное число: *адмиралы* (1), *адмиралов* (1); *кавалер*³¹ (1) (или: *кавалъръ* (2), *ковалер* (1)), *кавалера*, *от кавалѣра* (2), и по одной форме: *кавалеромъ*, *кавалѣров* / *ковалеровъ* / *ковалѣров*, *кавалѣрами* / *ковалерами*.

О полном освоении заимствованной единицы в морфологическом плане (хотя еще не в фонетическом), можем говорить, например, по отношению к слову *сеймик*³², в отличие от *сейм*, варианты окончаний которого были указаны выше. Представим найденные в текстах Курантов падежные формы этой лексемы: им.п. ед.ч. *сеимикъ* (6), *сеимик* (1), *соимикъ* (2), род.п. ед.ч. *с сеимика* (1), пред.п. ед.ч. *на/о сеимике* (2), им.п. мн.ч. *сеимики* (15), *сѣимики* (1), *соимики* (1), род.п. мн.ч. *для розорваниѣ сеимиков*, *сѣ сѣимиков*, дат.п. мн.ч. *сеимикамъ бытъ*, *приближается срокъ сеимикамъ*, *ко[рон]нымъ сеимикамъ*, пред.п. мн.ч. *на/о сеимикахъ* (4), *на сеимикахъ*, *на рочных соимикахъ сие стати постановлены*.

Как удалось отметить на основании многих употреблений слова *султан* (*салтан*)³³, оно полностью подчинилось грамматическим нормам русского языка и регулярно изменяется по падежам и числам неженского склонения. В текстах: *султан* (5), *султанъ* (3), *султана* (4), *султану* (2) и фольклорная форма *салтан* (71), *салтанъ* (41), *солтан* (1); *салтана* (79), в примерах: *бунтъ на салтана турского*, *от салтана есть указ*, *против салтана бунтъ поднѣли*, *опричь салтана калги*, *салтана крымского (...) привел на Украину*; *салтану* (62), например: *к турскому салтану послать посла*, *казаки салтану поддалися*, *турскому салтану въ подданствѣ откасати хотят*, *посылают толмача к татарскому салтану*; *салтаном* (8), *салтаномъ* (4), примеры в текстах: *о мирномъ постановлении с турскимъ салтаномъ*, *сѣ татарским генералом салтаномъ Калгою (...) идут прямо на московские городы*, *салтанова брата салтаномъ учинити желают*; *салтаны* (4), *салтанов*, *сѣ 3 ю салтаны*. Один раз данное слово ведет себя, кажется, как неизменяемое: *с Салтанъ Нуродыномъ сѣ #М члвкъ ратныхъ людию стоят*. Данная форма может считаться принятой в России формулой.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Падежные окончания заимствованных имен существительных мужского рода подтверждают наличие многих вариантов, причем следует отметить две тенденции. С одной стороны, варианты, связанные с неполной родовой идентификацией, несомненно зависят именно от заимствования слова русским языком. С другой же стороны,

31 Там же: через польск. *kawaler* или нем. *Kavalier* из франц. *cavalier* ‘всадник’, ит. *cavalliere*.

32 Ушаков (1935–1940): *сеймик*, *сеймика*, польск. *sejm*

33 Фасмер (1964–1973): *салтан* – фольклорная форма, соответствующая слову *султан*, др.-русск. *салтанъ*, *солтанъ*. Через тур. *sultan* из араб. *sulṭān* ‘властелин’; *султан*, уже др.-русск. *султанъ*. Из араб.-тур. *sulṭān*.

конкуренция между флексиями, представляющими собой результаты замещения древнерусской системы склонения новой, опирающейся на родовую характеристику и качество окончания именительного падежа единственного числа, охватывает и русские слова, и заимствованные, что можно считать доказательством процесса их адаптации на морфологическом уровне.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bartoszewicz 1979:** Bartoszewicz, A. *История русского литературного языка*. Warszawa, 1979.
- Leeming 1976:** Leeming, H. *Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696*. PAN, Prace Komisji Językoznawstwa, nr 44. Kraków, 1976.
- Luciński 2000:** Luciński, K. *Anglicyzmy w języku polskim i rosyjskim*. Kielce, 2000.
- Котков 1963:** Котков, С.И. *Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология)*. Москва, 1963.
- Котков 1972:** Котков, С.И. [ред.]. *Вести-Куранты 1600–1639 гг.* Изд. подгот.: Тарабасова Н.И., Демьянов В.Г., Сумкина А.И. Москва, 1972.
- Крысин 1968:** Крысин, Л.П. *Иноязычные слова в современном русском языке*. Москва, 1968.
- Крысин 1998:** Крысин, Л.П. *Толковый словарь иностранных слов*. Москва, 1998.
- Молдован 2009:** Молдован, А.М.; Майер, И. [ред.]. *Вести-Куранты 1656, 1660–1662, 1664–1670 гг.* Изд. подгот. Демьянов В.Г. Москва, 2009.
- Розенталь www:** Розенталь, Д.Э.; Голуб, И.Б.; Теленкова, М.А. *Формирование русской лексики. Освоение заимствованных слов русским языком*, <<http://www.grammar.ru/RUS/?id=6.31>> (dostęp: 17.09.2012).
- Ушаков 1935–1940:** Ушаков, Д.Н. *Толковый словарь*. Москва, 1935–1940.
- Фасмер 1964–1973:** Фасмер, М.Р. *Этимологический словарь русского языка*. Москва, 1964–1973.
- Филин 1981:** Филин, Ф.П. *Истоки и судьбы русского литературного языка*. Москва, 1981.
- Ярцева 1990:** Ярцева, В.Н. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990, <<http://www.tapemark.narod.ru/les/158a.html>> (доступ: 30.04.2015).